

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Владимир Брагин

ОРАНЖЕВОЕ КРУЖЕВО

*Издательство
Детская литература*

ВЛАДИМИР БРАГИН

ОРАНЖЕВОЕ КРУЖЕВО

РАССКАЗЫ

**Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1969**

В небольшой книжке «Оранжевое кружево» — разные рассказы, разные герои. Но моё стремление одно: хочу показать, какие удивительные загадки и тайны скрыты, совсем по соседству с каждым из вас, — в лесу и на полянке, которые нам знакомы ещё с детства. Я убеждён: чем лучше человек научится читать книгу природы, тем больше научных открытий он совершит.

Всё, что я делаю, связано с природой — лесом, ветром, травами, водой, закатами и восходами. Природа, которая всегда — ежесекундно — меняется и предстаёт перед нами всё в новом и новом виде, всегда участвовала в моей работе, то есть в моей творческой биографии.

Назову, например, из своих произведений научно-фантастический роман «В стране дремучих трав». Здесь я пытался показать, что незаметная жизнь обитателей наших трав, насекомых, заставляет думать о величайших технических изобретениях человека.

Природа помогла мне, драматургу, чувствовать драматизм опер и пьес, которые я писал и пишу.

Так было, когда я писал либретто оперы «Мастер из Кламси» (музыка Д. Б. Кабалевского) по роману «Кола Брюньон» Р. Роллана; так было, когда писал либретто оперы на современную тему (композитор Д. Д. Шостакович); так было, наконец, когда я писал пьесы: «Окончание следует» и «Возвращённый город».

Итак, всегда с природой!

В. Брагин

*Рисунки
И. Лукашевич*

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ В ЛЕСУ

КОГДА ЗАСЫПАЛИ ЦВЕТЫ...

Кончался жаркий летний день. На полянке в подмосковном лесу цветы начинали дремать. Тихо и осторожно каждый цветок свёртывал лепестки и клонил головку к земле. Тёплый ветерок едва-едва касался лепестков — нельзя же будить задремавшие цветы. Летел этот ветерок к реке, которая течёт за лесом, и очень торопился. Поскорей... Поскорей!

Перелетая через полянку, ветерок нечаянно качнул стебель лютика.

С этого и началось...

Лютик весь день был спокоен и строг. Он очень гордился, что солнце навело глянец на все его пять ярко-жёлтых лепестков. А теперь он затрепетал и с беспокойством повернулся к жёлтому доннику:

— Донник! Посмотри! Посмотри!

Донник не отвечал.

Длинные кисти его лимонно-жёлтых цветов крепко спали. Он не выносил ночной сырости, боялся простуды: ещё задолго до захода солнца повернул листья к земле, успокоился и задремал.

— Донник! .. Донник! Ты спишь? — ещё раз окликнул его лютик.

— Нет, нет, — спросонья ответил донник, — не сплю! Что, где?.. Ах да... вижу! Там... на краю полянки... качаются смолки... качаются их тонкие стебельки, качаются тёмно-красные головки...

— А ветер-то давно улетел... Почему же они качаются?

— Вот так загадка!

— Кто же раскачивает во все стороны рощицу смолок?

— Смотри, смотри!

Из рощицы смолок вышла на полянку птица. Пёрышки её были окрашены в светло-коричневый цвет, а на них — тёмные и светлые пятна и чёрточки. Глухарка! А вслед за ней выскочили на тоненьких ножках маленькие комочки, покрытые серым пушком, — её птенцы, глухарята.

Глухарка прошла через всю полянку и, приблизившись к муравейнику, остановилась. Казалось, она раздумывала: то ли разрыть муравейник и накормить глухарят муравьиными личинками и куколками, то ли уйти с птенцами в лес? А маленькие глухарята суетились, наскакивали друг на друга, тонули в траве и опять появлялись...

Тихо было кругом в этот предвечерний час.

На чуть темнеющем небе чётко обозначились верхушки деревьев.

*Из роицы смолос вышла на поляну глухарка.
А вслед за ней — птенцы, глухарята.*

Солнце очень осторожно окрашивало их зубцы в оранжевый цвет.

Над цветами одиноко жужжала пчела, которая запоздала вернуться в свой улей. Пела в лесу какая-то птичка. Звуки её песенки падали в тёплый вечерний воздух, как падают с листка на листок редкие капельки утихающего дождя. Скоро и она замолкла.

Но ни лютик, ни смолки, ни донник уже не могли уснуть. Проснулись и другие цветы: их тоже потревожила глухарка, когда пробиралась к муравейнику.

ЧТО-ТО БУДЕТ?..

— И зачем только разбудили меня! — раздражённо проворчала лесная дрёма. — Ведь это самая обыкновенная птица — глухарка!

Ни один цветок не удивлялся тому, что дрёма злится. Ещё сегодня утром лесная дрёма хвалилась ярко-красной коронкой на своём венчике, но на полянке ей напомнили, что цветы её не пахнут. Ах, как обиделась лесная дрёма!

— Зря мне спать помешали, зря!..

— Нет! Не напрасно мы проснулись, — потрянул своей круглой головкой клевер, — вон человек идёт. Он уже приходил сюда, взбирался на деревья, заглядывал зачем-то в дупла, в гнёзда птиц.

И на полянке всё притихло. Цветы поспешно свёртывали лепестки. Но на самом деле они только притворялись, что спят, и осторожно подглядывали: что же будет здесь делать человек?

Гибкие и стройные смолки увидели, как человек наклонился над пустым гнездом глухарки, которое было тут, в траве. Человек осмотрел пустое гнездо и куда-то ушёл. А вот куда? Как ни гнулись смолки во все стороны, ничего не разглядели.

Но зато иван-чай, который рос около муравей-

ника, был очень высокого роста и хорошо всё видел.

— Он сюда идёт! Он ко мне, к муравейнику, идёт! — закричал иван-чай.

ЛЁГОНЬКИЙ ПРУТИК

— Клё... ко... клё... ко... — забормотала глухарка, и тотчас глухарята — пушистые маленькие комочки на тоненьких ножках — отбежали от муравейника, припали к земле и скрылись в траве.

— Глухарка! Куда ты? Почему сама не прячешься, а бежишь к человеку? — спрашивал иван-чай. И стал в тревоге качаться. Листья у иван-чая длинные, узкие, плоские, с жилками. От волнения эти жилки вздулись, стали ещё виднее. — Глухарка! Глухарка!.. Что это такое? Ах, что же она делает...

Произошло что-то непонятное: глухарка взлетела, но сразу же опустилась и побежала к человеку.

Человек даже и не посмотрел на глухарку: нагибаясь к земле, он то и дело всматривался: где же здесь в траве спрятались глухарята?

Вдруг он быстро, невнятно что-то заговорил. Это было очень похоже на то, как бормочет глухарка, когда зовёт птенцов. Глухарята появились из травы и, перегоняя один другого, побежали к человеку. А он наклонялся, брал в руки каждого глухарёнка, доставал что-то из кармана, осторожно вытягивал голенькую лапку глухарёнка и что-то с ней делал. Потом бережно ставил птенца на землю. Отпустив птенца, человек брал в руки другого, третьего...

Не только смолки, иван-чай, но и другие цветы всё видели... Но зачем это делается, никто не знал.

А глухарка то быстро подбегала к человеку, то

медленно отбегала от него, взлетала и сразу же опускалась на землю, опять бежала к человеку. Птица очень мешала ему. Верно, поэтому человек и бросил в неё прутик. Совсем маленький, засохший прутик. Он как будто и не задел глухарку. Но птица вспорхнула и сразу же упала в траву около муравейника.

Непонятно! Как такой лёгонький прутик перешиб крыло птице! Глухарка попыталась отбежать от человека, но сломанное крыло мешало. Оно волочилось по траве.

Птица билась у ног человека.

ЦВЕТОЧНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

— Посмотрите! Посмотрите! — закричал иванчай. — Птица волочит крыло по земле! Крыло перебито! Что делать?

— Надо лечить птицу, — сказал клевер в раздумье и стал расправлять и складывать свои листочки, качать красной головкой. — Но как лечить? Чем?

— Как лечить? — раздался скрипучий и сухой голос. — Это говорю я, старый поседевший мох, растущий в торфяной низинке. Как лечить? Перевязку надо сделать. Мои стебельки всасывают и задерживают воду. Они задержат и кровь на ране глухарки... Перевязку!

— Перевязка из мха хороша! — послышался откуда-то издалека тусклый и бесцветный голос.

Это говорил подорожник. Его горло пропылилось. Ведь он рос у дороги и был покрыт пылью, хотя дорога проходила через лес.

— Перевязка из мха хороша, — продолжал подорожник, — но лучше приложите к ране глухарки мой листок! И рана начнёт заживать. Но не забудьте помыть листок, а то он пыльный. — И подорожник закашлялся: — Пыльный... пыльный...

— Нет! Нет! Настой из моих корешков вылетит глухарку! — воскликнул одуванчик. — Только этот настой улучшает аппетит!

— Что за вздор! — закричали цветы. — У птицы перебито крыло... рана. А ты говоришь... аппетит!

— Нет, не вздор! — горячился одуванчик. И от волнения шапочка его седых волос сорвалась с головы и взлетела.

Головка одуванчика сразу облысела. А волосы-пушинки поплыли, поплыли над полянкой.

— Сердце! Прежде всего лечить сердце! Вот с чего надо начинать! — долетел до полянки чей-то простуженный голос.

Это говорила валерьяна. Росла она на небольшом сыром лужку. Её постоянно слегка знобило, и голос у неё всегда был с хрипотцой.

— Скорее, глухарка, спеши ко мне! — волновалась валерьяна. — Ах, я совсем расстроилась! Скорее же ко мне... Капли из моих корешков успокоят твоё сердце!

— Так прибавьте же несколько и моих капелек, — слышался лёгкий серебристый голос.

— Ландыш?!

— Ведь ты, ландыш, ещё в начале июня отцвёл! И вдруг опять появился!..

— Да, я отцвёл! Но бедная глухарка! Раненая птица! Ради неё можно снова зацвести. Может быть... Может быть, мои капли вместе с каплями валерьяны вылечат больное сердце птицы.

— Терпение! Только витамины вылечат больную! — заговорил своим острым, колючим голосом небольшой куст шиповника, который рос в лесу. — Мои витамины постепенно будут укреплять твоё здоровье, глухарка! Вот опадут мои розовые лепестки, потом поспеют красные плоды. В них витамины. Жди. На мне шипы, но ты их не бойся! Глотай мои витамины. Ви-та-мины!

— Нет! Валерьяновые капли!

— Нет, не капли, а перевязку!..

— Не перевязку, а листок, мой листок приложите...

— Не прикладывайте листка, а пейте мой настой!..

— Витамины... И терпение!

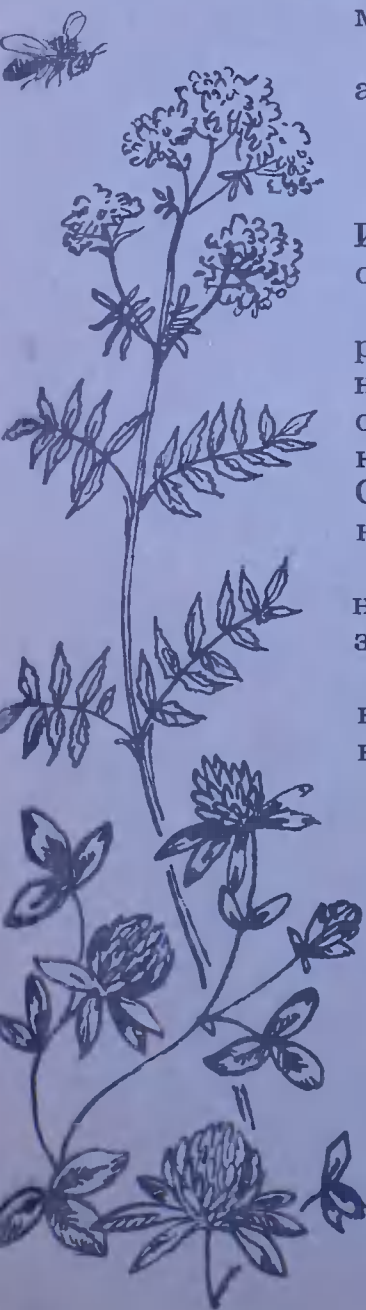
— Капли-капли-капли!!!

Цветы перебивали друг друга. И уж нельзя было разобрать о чём они спорят...

— А птицу-то вы забыли, — раздался совсем тихий голосок незабудки, которая росла где-то у обочины дороги. Её голубые цветки с тревогой посмотрели вдаль. — Спорите вы, спорите, а про больную птицу забыли...

Цветы сразу замолчали... А незабудка проникновенно сказала:

— Лучше побежим все вместе к глухарке и будем её лечить кто как может.

— Бежим! — подхватили цветы, качнулись, но... остановились: корни не захотели вылезать из земли. И цветы не тронулись с места.

— Что делать? Что делать?

И вдруг...

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

— Летит! Глухарка летит! — вскричал иванчай. — Что за чудо! У птицы сломано крыло, а она летит!..

Цветы увидели: человек уходил с поляны в лес, а над ним летела глухарка. Летела свободно и плавно над головой человека, словно провожала его. Человек и птица исчезли в лесу.

— Крыло сломано, а птица летает! — говорили цветы. — Вот так загадка!

— Много чудес видели мы на дорогах, около которых растём, но такого чуда... — начал было подорожник, но закашлялся: — Кха...кха... (По дороге проехал велосипедист, и тонкая струйка пыли, которая вилась за ним, легла на листочки подорожника.) Такого чуда... кха...кха...

— Летит! Глухарка назад летит! — закричали цветы.

Птица прилетела к муравейнику и опустилась на траву.

— Клё... ко... клё... ко... — весело и звонко повторяла глухарка.

Глухарята выскакивали один за другим из травы и бежали к ней.

Птица повела своих глухарят в лес.

Она шла спокойно, важ-

но и неторопливо. А глухарята, цепляясь за траву, падая, спешили за ней. Проходя по полянке, птица называла каждый цветок по имени и кланялась то направо, то налево:

— Добрый вечер, старая ромашка с жёлтым сердечком! (Поклон направо.) Приятного сна, лютик с блестящими лепестками! (Поклон налево.)

У лесной дороги глухарка остановилась около незабудки и сказала:

— Какое у вас занятное имя: не... за... будь... не забудь... ка — не-за-буд-ка.

— Спасибо на добром слове, почтенная глухарка, — ответила незабудка и прошептала тихо: — Вот бы вспомнить... как это... Ах, ах... я и забыла, о чём хотела вас спросить. Простите, забыла!

Глухарка поклонилась незабудке и скрылась в траве. Мелькнул кончик пёстрого хвоста.

И тут-то незабудка крикнула:

— Вспомнила, всё вспомнила! Глухарка, скажите: было ли сломано у вас крыло?

Но глухарка уже не слышала тоненького голоса незабудки.

БЫЛО ЛИ СЛОМАНО КРЫЛО?

Когда глухарка поравнялась с шиповником, она увидела, что его цветы наклонились к земле, смотрят на неё и о чём-то разговаривают. Глухарка прислушалась.

— Не разберём, не видим: какое крыло было сломано, то ли левое, то ли... Странно... Больная должна была ждать... скоро поспели бы наши плоды с витаминами. Они и вылечили бы птицу. А тут, извольте видеть, крыло вдруг само вылечилось — срослось. Да, да!

— Шиповник! Цветы шиповника! — воскликнула глухарка. — А уверены ли вы, что крыло было сломано?

— Как? — оторопел шиповник. — Но ведь все видели... видели! — Шиповник от удивления качнулся и уронил на зелёную траву перед глухаркой свой розовый лепесток.

Глухарка гордо наступила на этот лепесток и пошла дальше.

А шиповник очень смутился.

— Как же так? — прошептал он. — Как же так?

Глухарка остановилась и произнесла чётко:

— Желаю, чтоб у вас, дорогой шиповник, ещё быстрее выздоравливали ветки, если их случайно сломает ветер. Но пусть уж лучше они всегда будут целы и здоровы.

Цветы внимательно смотрели вслед уходящей глухарке и старались рассмотреть, какое же крыло у птицы было сломано? Правое или левое? Левое? Правое?

Солнце тоже хотело поближе посмотреть на крыло, которое так быстро срослось.

Оно спускалось всё ниже и ниже к земле, но нечаянно зацепилось за ветки деревьев. Застряло. И тогда солнце решило: «Останусь здесь до утра, но непременно разберусь, что там приключилось с крылом глухарки».

Солнце смотрело, смотрело... Устало. Зашло. Пришла ночь.

ДОГАДКИ НОЧНОЙ ФИАЛКИ

Давно крепко спала глухарка с глухарятами. Спали и те дневные цветы, которые видели всё, что случилось на полянке. Уже проснулись и открыли свои лепестки другие цветы — ночные. Эти цветы слышали: в сумраке, окутавшем полянку, раздаются какие-то неясные звуки. И показалось им, будто в разных местах кто-то сквозь сон всё повторяет: «Лечить сломанное крыло... правое

или левое... перевязка из мха... капли валерьяны... лечить...»

Ночные цветы ничего не понимали.

Одна лишь ночная фиалка поняла слова дневных цветов: кого-то надо лечить. Она сказала:

— Из моих клубней делают чудесное лекарство, оно помогает от разных болезней... Но кого же лечить? И от чего лечить? Вот бы узнать! Вот бы узнать!

К белым ночным цветам уже летели ночные бабочки. И цветы, на которые опустились бабочки, не стали слушать бессвязные, непонятные слова.

ТАК ВОТ ОНО ЧТО!..

Над тихим лесом взошла луна. Бледный луч луны стал пробираться меж ветвей старой мохнатой ели. Он трогал её иголки, опускался на траву — кого-то искал!

Так он пробрался к спящей глухарке и осветил её спинку. На коричневых пёрышках стали обозначаться белые чёрточки и точки... Луч луны, наверное, разбудил птицу: она вздрогнула и с тихим шорохом распушила крылья, мягко прижалась к своим глухаряткам. И тотчас же маленькие пушистые комочки ещё теснее прижались к ней.

Луч луны чего-то ждал и не уходил.

Один глухарёнок беспокойно ворочался: как ни старался, он не мог залезть под крыло глухарки. Лунный луч всё это видел.

И когда глухарёнок уснул, успокоился, луч осветил его вытянутую голенькую ножку. И тут стало видно: на ножке птенца надето маленькое лёгкое алюминиевое колечко, а на колечке какая-то цифра.

Так вот оно что! Там, на полянке, вечером человек надел на ножки всех глухарят алюминие-

вые колечки с номерами. Пройдёт год-другой — глухарята станут большими птицами, и если поймут одну из них и прочтут номер на колечке, то станет ясно, сколько ей лет и в каком месте леса она родилась.

Так вот оно что!

...Луч луны уже собрался уходить, когда глухарка прикрыла голенькую лапку беспокойного глухарёнка и чуть слышно пробормотала:

— Спице, спице, птенцы! Ведь это ради вас я притворилась, будто у меня сломано крыло... А на самом деле я хотела, чтоб человек протянул руку, попытался меня поймать, а я бы сразу отлетела. Подальше, подальше от вас я его увела бы... Спице... тсс... тсс...

Так вот оно что!

Лунный луч всё понял и пошёл бродить дальше по полянке.

ДИНЬ!..

Под сосной рос ландыш. Все ландыши уже давно отцвели, и только он один ещё цвёл. Это был тот ландыш, который предлагал свои капельки глухарке. На его стебельке висели белые шарики-колокольчики, его цветы.

Самый большой шарик-колокольчик был ближе всего к земле, а самый маленький держался за верхушку стебля. И когда луч луны осветил алюминиевое колечко на лапке глухарёнка, маленький колокольчик, который задорно забрался на самую верхушку стебелька, очень удивился.

Вздрогнул. Позвонил.

Один только раз.

Динь!..

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

ТРИ ДОМИКА

Предутренний ветерок ранней осени, немного резкий и холодный, пробежал по лесу.

Звёзды гасли одна за другой. На несколько минут стало ещё темнее в лесу — темнее, чем ночью. Так бывает перед рассветом.

Но вот уже обозначились верхние ветки на деревьях. Сильнее запахло прелым листом. С лёгким звоном и щебетаньем пронеслась кочующая стая синиц.

Алый и острый солнечный луч прорвался меж деревьями и устремился к старой ели, которая росла на краю оврага. Но он не добрался до чёрного ствола, а только скользнул по хвое верхних веток.

Теперь, когда утро настало, можно увидеть и рассмотреть гнездо, построенное белочкой Рыжувкой на старой ели. Вон оно чуть-чуть чернеет между зелёными веточками.

Вечером белочка Рыжувка закрыла куском мха вход в свой домик. Хоть утро наступило, но в гнезде ещё темно.

Белочка спит. Скоро луч солнца проберётся сквозь мох в гнездо и разбудит её. Но пока она не проснулась, можно рассказать, что у этой белочки есть другие гнёзда.

На опушке растёт старый дуб, в нём дупло, а в дупле гнездо белочки Рыжульки. Ещё одно гнездо? Да, ещё одно. Весной в нём жила белочка со своими бельчатами.

Однажды в жаркий полдень кто-то на опушке леса разложил костёр, ушёл и забыл его погасить. Загорелась трава, задымились кусты. Огонь побежал в лес. Дуб, в котором жила белочка, не загорелся. Но когда поднявшийся ветер погнал дым к этому дубу, белочка стала спасать двух бельчат — уносить из дупла.

Белка уцепилась зубами за бок одного бельчонка, подвернула его маленькую головку под свою голову и, вскинув его хвост на шею (пусть не мешает), помчалась в другой конец леса. Она перелетала с бельчонком с одного дерева на другое, спускалась на землю, бежала, взбиралась на деревья. Так добралась она до гнезда, которое было очень далеко от опушки леса, — в ольхе над лесной речкой. И спрятала в этом гнезде бельчонка. Потом помчалась за другим бельчонком. Перенесла и его.

Но в ту же ночь Рыжульке показалось, что какой-то зверь взбирается на ольху. Уж не куница ли? Глянула вниз и замерла: куница! Белка притаилась, стала ждать.

Куница стала взбираться на ольху — там в гнезде бельчата! И тут белка сразу упала с дерева на землю — притворилась беспомощной, подбитой. Куница кинулась на белку, но белка отскочила и стала уводить куницу от гнезда. Уже с другого конца леса Рыжулька вернулась к ольхе и перенесла бельчат сюда, в гнездо на старой ели у оврага.

Хорошо, что белочка построила три гнезда.

И все в разных местах леса.

Прошли недели. Оба бельчонка подросли, оставили это гнездо...

Но тише!.. Вот открылась дверь в домике на старой ели. Тсс!.. Рыжюлька вытащила кусок мха из гнезда. Круглая рыженькая головка глядит из домика.

КАКИЕ СТРАННЫЕ ВЕТВИ...

В лесу тепло, светло. Серебрится трава от росы. Качнулась ветка — белочка прыгнула из гнезда. Она бежит по веткам, спускается на землю. И стали влажными мягкие подушечки лапок. А белочка то пробежит по склону оврага, то снова взберётся на ель. Резвится.

Вот она схватила шишку с земли — и опять на дерево. Свесив хвост и упираясь задними лапками в сучки дерева, белочка держала шишку в передних лапках и отгрызала чешуйки. Но в шишке мало семян! Опять — на земле, схватила другую шишку. И эта пустая. Сколько шишек пердержала она в своих лапках, и всё пустые!.. Как хочется есть!

Сидя на дереве, белочка вдруг увидела, что внизу, над землёй, поплыли большие, широкие ветви. Вот они приблизились к одному дереву... чуть приподнялись... отделились от него... опять поплыли... Белка стала цокать: как странно движутся эти ветви! Все деревья в лесу стоят на одном месте, и их ветки теперь не качаются, а эти ветви то повернутся в одну сторону, то в другую... Вот совсем скрылись, вот вновь появились в другом месте... Кто? Что?

Большой лось, с широкими, лопатообразными ветвями-рогами на длинной горбатой голове, оставался, приподнимал, поворачивал голову и шёл широким шагом дальше. Никогда Рыжулька не видела лося и его ветвей-рогов и теперь, перескакивая с дерева на дерево, с любопытством рассматривала лося. Насмотрелась, привыкла. А есть хочется всё больше и больше...

Ах, сколько грибов на полянке, через которую прошёл лось!

ЗАПАСЫ НА ЗИМУ

Сидя на задних лапках, белочка съедала только шляпку гриба, а ножку не трогала. Она перебегала от одного гриба к другому.

Вот наконец белочка насытилась. Но зачем она вырвала целый гриб боровик вместе с ножкой и, держа его в зубах, побежала к сосне?

Белочка очень осторожно взбиралась на сосну — всё время она поворачивала голову в

разные стороны, чтоб ни одна ветка, ни один сучок не задели гриба. Но всё же какой-то сучок неожиданно задел, зацепил краешек шляпки. На ней образовалась трещина. Белочка разжала зубы — гриб упал на землю.

Так долго, так осторожно взбираться с грибом на дерево, добраться до самой вершины — и вдруг бросить гриб на землю из-за маленькой трещинки в шляпке!

Белочка снова спустилась на полянку, сорвала другой белый гриб и, держа его в зубах, опять стала взбираться на сосну.

Наконец белка положила гриб в развилку двух веточек. Тёмно-коричневая бархатная шляпка крепко легла на них, а белый с серым оттенком пенёк повис над землёй.

Белка без усталости рвала грибы на полянке, взбиралась на деревья, подвешивала грибы и опять спускалась на полянку. И для каждого гриба она находила надёжное место в развилке двух сучков или веток.

Рыжулька делала запасы на зиму.

Грибы на ветках высохнут, их шляпки плотно прилипнут, и ветер не сбросит их на землю. Но не удержался бы на дереве и упал бы на землю тот гриб, у которого на шляпке была трещинка. Хорошо, что Рыжулька его не повесила.

Придёт зима. Забушует вьюга. Застонет глухо и долго лес. Крепко сжавшись в комок, голодная белочка будет ждать, прислушиваться, скоро

ли перестанет выть ветер, перестанет качаться её гнездо.

Но стихнет вьюга, и белочка снимет озябшими, холодными лапками снежок со шляпки промёрзшего гриба, который она повесила на сосну. Спокойно и удобно усевшись на ветке, белочка начнёт грызть шляпку, а пенёк-ножку бросит. Потом — в гнездо, опять сожмётся в комок.

В гнезде уютно и очень тепло: восемнадцать градусов тепла. А в лесу уже опять шумит вьюга...

Так будет зимой.

ПРОСНИСЬ, БЕЛОЧКА! БЕДА!

А теперь?.. Почему белочка вдруг откусила прутик с куста и, держа этот прутик во рту, стала взбираться на сосну? Вот она переплела этим прутиком сучки на дереве. Так начала Рыжулька строить свой новый домик в лесу, строить его на той сосне, где сушатся её грибы — её запасы.

В этом гнезде белка, может быть, сделает два отверстия — две двери. И каждую дверь закроет мхом.

Если враг протянет лапу в одну дверь, белка спасётся через другую.

Уж полдень кончился. Белка приносила и прутики и веточки, переплетала их с сучками на сосне. Строила гнездо и устала. Белочка вытянулась вдоль ветки, распушила хвост и прикрыла им голову — спит. Под лучами солнца холодный воздух ранней осени становится теплее. Солнце пригрело белочку.

Проснись, белочка!

Беда!

Высоко в небе над полянкой появился ястреб-тетеревятник. Он чертил круг за кругом, снижался. Гнездо на сосне не достроено. Где спрятаться? Кривая, изогнутая ольха у речки... старый дуб на

опушке... до этих гнёзд далеко. Белка помчалась к оврагу, к гнезду, что на старой ели.

Тихо, совсем тихо лежала белочка в этом гнезде. Даже дышала едва слышно. А ястреб распластал свои крылья над лесом, над оврагом. Долго-долго белочка не показывалась, наконец очень осторожно вытащила лапкой мох и выглянула из гнезда. Осмотрелась. Ястреба не видно.

СЕРОЕ ПЕРО С СИНЕВАТЫМ ОТЛИВОМ

Уже вечер. Заходит солнце. Но совсем так, как утром, старая ель свесила над оврагом свои густые ветви. И всё так же висит над ней гнездо белки.

Но утром, когда всходило солнце, гнездо чуть чернело в зелёной хвое ели. А теперь, под вечер, его уже не видно.

Как жадно пьёт Рыжулька воду из ручья, который течёт по дну оврага! Напилась. Пора в гнездо. Но белочка почему-то подбежала к молодой липке. Взобралась, вцепилась зубами в какую-то веточку и стала её тянуть вниз, спускаясь всё ниже и ниже. А за веткой потянулась полоска лыка.

Полоска становилась всё длиннее и длиннее. А когда белка спустилась на землю и побежала, за ней тянулась уже совсем длинная свежая лента, которую белочка оторвала от дерева.

Какая свежая, пахучая, мягкая подстилка будет теперь в гнезде!

Белочка бежала к гнезду, но лента цеплялась за кусты, за деревья. Белка остановилась. Не выпуская изо рта ленты, белка хватала её зубами то в одном, то в другом месте. Так она наматывала, навивала одну петлю на другую. С этим грузом из петель лыка она прыгнула на дерево и пробралась в своё гнездо. Ну, наконец-то можно и отдохнуть! Белочка заткнула ход в гнездо кусочком мха.

Пора спать. Солнце заходит. Долгий хлопотливый день кончился.

Но вот снова рыжая мордочка белочки выглянула из гнезда. Неужели она опять спустится на землю? Что она там увидела? Чего ей ещё не хватает?

Рыжулька опять на земле. Вот неугомонная!

На траве лежало большое перо птицы — серое перо, отливающее синевой. Рыжулька схватила это перо и принесла в гнездо. Она закрыла (в который раз!) пучком мха вход в гнездо и улеглась спать. В гнезде теперь пахло молодой липой, сухим мхом, а длинное перо птицы сделало гнездо ещё более мягким и уютным.

В лесу совсем-совсем темно. Кругом тихо, только где-то там, на дне оврага, мерно звенит и что-то бормочет ручей. К этому лёгкому шуму и звону белка давным-давно привыкла.

Под утро тёмные серые тучи закрыли небо. Полил мелкий осенний дождик. Рыжулька крепко спала.

Она и не слышала, как капли падают с одной ветки на другую: кап... кап...

БЛЮДЦЕ С КРАСНЫМИ И СИНИМИ ШАРИКАМИ

ЁЖ В КОРЗИНКЕ

Было летнее утро. Стенные часы пробили семь. Раздался звонок в дверь. Мне принесли в корзинке ежа. Прямо из леса.

Ежа спустили на пол. И сразу же моя большая собака чапрачной масти, эрдель Бриг, забеспокоилась, сорвалась с места, подбежала к ежу. Она склонилась над ним голову и стала отрывисто лаять.

А чёрный кот Топ, чуть увидел ежа, соскочил с дивана, раздулся — шерсть дыбом, хвост трубой, — медленно и зловеце подошёл к ежу. Зашипел и тронул ежа лапой. Но сразу же отскочил: укололся. И тут же кот Топ сделал вид, что ничего не случилось. Его шерсть улеглась, хвост опустился. С деланным равнодушием («У меня есть дела поважнее!») он плавно и спокойно удалился на своих мягких лапах под диван.

А ёжик, этот маленький комоч, утыканный иголками, этот тёмно-бурый живой кактус, лежал на полу, спрятав мордочку, и не двигался. Чудо — маленькое, колючее, но самое обыкновенное.

С улицы через раскрытые окна входили гарь, копоть, запах бензина и раскалённого асфальта, шуршание шин, грохот грузовиков. Однотонно чирикал за окном воробей, и пиликала чья-то воскресная скрипка.

Где-то там, за улицами, за переулками, был лес с разными запахами трав, листвы, сырой земли. Тот лес, откуда привезли ежа.

А здесь, в моей спокойной квартире, всё стучали и стучали большие стенные часы. Качался маятник. Стрелки на часах двигались. Время шло.

Ёжик всё лежал посреди комнаты. И не трогался с места.

Настал полдень.

ЁЖ НА СТАРОЙ ГАЗЕТЕ

Куда девать тебя, ёж? Знаю! Поселю тебя в углу за шкафом.

Я развернул большую газету. Положил её на пол. Подошёл к ежу, а он — сплошной колючий комок. Как подступиться к тебе, чудо лесное? И раз, и другой, и третий я укололся об иголки ежа.

Оглянулся. Собака Бриг лежала на своей подстилке возле письменного стола. Положив голову на лапы, она поднимала и опускала глаза. В них была грусть и сожаление: «По пустякам, как всегда, растрачиваешь ты, хозяин, жизнь!»

А кот Топ, взобравшись на шкаф, свесил с него свой чёрный хвост, а лапы вытянул так, словно решил походить на сфинкса: «Трудись, мой хозяин! У тебя всегда старания много, толку мало. Узнаю тебя».

Но наконец я всё-таки перекатил ежа на газету. И потащил газету с ежом по квартире туда, за большой книжный шкаф. И поставил там блюдечко с молоком. Для ежа.

А потом облегчённо вздохнул, взял журнал и лёг отдохнуть.

НАРИСОВАННЫЕ ШАРИКИ

Настал вечер. В квартире стихло. Ёжик приподнял мордочку и стал лакать молоко. На блюде были нарисованы красные и синие шарики. Ёжик выпил молоко. И стал тыкать мордочкой в шарики — то в синие, то в красные. Но они ведь были нарисованные: их нельзя было ни съесть, ни выпить. Ёжик стал мордочкой подталкивать, подкидывать блюде. Но шарики не покатились. Блюде всё постукивало и постукивало по полу. Зрение ежа, видно, устроено не так, как у нас. Фигуры на плоскости для них, вероятно, предстают фигурами в пространстве.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НОЧЬЮ

Ночью надо спать. Затих и уснул город. Спала улица. За шкафом едва слышно возился с газетами ёжик. Что-то промурлыкав, уснул кот Топ. Крепко спала собака Бриг, изредка повизгивая и дёргая лапой: ей снились сны.

Уснул и я.

И вдруг! Что это? Отчаянно мяукает, вопит кот; отрывисто лает собака. Шебаршенье, шорох слышатся сразу в разных местах квартиры.

— Что случилось, друзья?

Стуча коготками, фыркая и похрюкивая, шурша иглами, по квартире бегают ёж.

Всю ночь до утра я успокаивал расхोдевших зверей. А ёж, не обращая внимания на мяуканье, бегал, всё бегал по квартире. Изучал каждый уголок.

И всё постукивало блюдечко: ёж подбегал к нему, пытался сбросить нарисованные шарики.

Только с рассветом все жильцы квартиры успокоились и задремали.

ЗАВТРАК

Шли дни. И собака Бриг и кот Топ подружались с ежом. Я дал ему имя Чок. Утром, приготовив завтрак, я сразу же стучал блюдцем с синими и красными шариками по полу. И возглашал:

— Кушать подано, судари мои!

На моё приглашение в кухню важно входила собака. За ней спешили кот Топ и ёж Чок. Ёж и кот вместе пили молоко из блюдца с красными и синими шариками. И оба потом принимались за остатки моего завтрака, которые я бросал в это же блюдце. А рядом с котом и ежом сидела на полу, крепко зажав лапами кость, собака Бриг. Она грызла эту кость и благодушно поглядывала на Топу и Чока: порядок!

Позавтракав, собака и кот, деловито облизываясь, уходили из кухни, а ёж долго не мог успокоиться: он всё водил мордочкой по блюдцу, ворчал, приподнимая его («Ах, эти шарики, они меня с ума сведут!..»). Блюдце постукивало, но красные и синие шарики так и не скатывались на пол.

— Чок! Чок! Перестань! Ведь шарики только нарисованные.

Но Чок не хотел слушать меня.

И блюдечко всё стучало и стучало...

ИГРА «В ШТОРКИ»

Осенью по вечерам я садился с книгой у старого камина, который остался с прошлого века в этой квартире. Нехотя разгорались дрова. На них проступали капли воды, похожие на крупные слёзы. Сырые осиновые дрова шипели. Но чуть ветер налетал на окна, как сразу же ярко, весело и дружно начинали пылать дрова.

На полу у камина устраивались собака Бриг и ёж Чок. Он складывал свои иголки и прижимался к густой шерсти пса.

Но как только кот Топ неслышно подходил ко мне и прыгал на колени, ёж Чок оставлял пса. Он подбегал к моему креслу. Подпрыгивал на коротких лапках, валился на бок, опять подпрыгивал: пытался взобраться ко мне на руки. Я помогал ему и брал к себе на колени. Гладил ёжика по спинке, и он тихо фыркал. А рядом с ним мурлыкал кот.

Иногда в такой осенний вечер Топ затевал престранную игру. Я назвал её игрой «в шторы».

Кот прятался за край шторы, спускавшейся до полу. Он отчаянно мяукал, вопил, орал, будто его режут. Тогда ёжик скатывался с моих колен и мчался выручать кота. Беспokoйно фыркая, подбегал он к краю шторы — прямо туда, откуда шёл кошачий крик о помощи. Кот сразу смолкал. Ёж тербил, подбрасывал угол шторы. А кот молча высовывался уже из-за другого конца шторы. Увлечённый игрой, Топ преображался: глаза его горели резким зелёным огнём, уши были прижаты к голове, пасть полураскрыта. Он то показывался, то исчезал за шторой. Вдруг затихал. Минута — и снова отчаянный вопль. Ёж подбегал: ах, вот где ты! Но кот яростно шипел, ругался на своём кошачьем языке, снова прятался за штору. И всё начиналось сначала.

Потеряв терпение, из своего угла, подняв голову, лаяла собака.

Тут уж я не выдерживал. Отдёргивая штору, начинал ловить кота. Тот бросался прочь: поймай! Вслед за котом по квартире бегал, фыркая, ёж. Вскакивал Бриг, самозабвенно лаял. А я на бегу задевал кресло. Оно с грохотом падало на пол.

В тот же миг и в стенку и с нижнего этажа, то есть в пол, начинали стучать соседи («Совесть есть у вас? Двенадцатый час ночи!» — чудилось мне в этих стуках).

И мы все четверо — ёж, кот, пёс и я — сразу стихали.

Уже начались заморозки. Ёжик много спал. Он появлялся только на стук блюда и на приглашение: «Кушать подано, судари мои!»

Однажды я увидел, как Чок подошёл к шерстяной подстилке, на которой у тёплой батарее лежал пёс Бриг. Потянул её зубами. Собака чуть заворчала, но уступила: поднялась с места, отошла. Чок потащил подстилку под кровать.

Но я отобрал похищенную подстилку. Вернул её псу. Порядок прежде всего!

Это было в полдень. Я сел за стол обедать. Стал стучать блюдцем по полу — приглашать зверей к столу.

Прибежал кот, пришла собака. Ёж не появлялся.

Я зажёл лампу и осветил тёмный угол под кроватью.

— Чок! Чок! Что же ты? Почему не идёшь к столу?

Но Чок надвинул на лоб свои колючки, опустил голову и не двигался.

Обида!

Ах, я совсем забыл: там, в лесу, ежи устраивают себе на зиму тёплые углы. Собирают листья, мох, даже иногда строят из прутьиков крышу над своей ямкой.

А я какую-то тряпку у своего Чока отобрал!

Ту тряпку, которую собака ему уступила.

Ёжик так и не вышел к столу.

Обида! Обида!

ВМЕСТО ФРАКА — БАЛАХОН

Шла зима. И до весны ещё было далеко.

Но в те дни, когда пригревало солнце и с крыш падала капель, ёж неожиданно появлялся из-под кровати: «Что? Уже весна?»

За время зимнего сна Чок заметно похудел.

Его когда-то хорошо сшитый игольчатый фрак теперь походил на просторный балахон, утыканный иголками.

— Ступай спать, Чок, — говорил я ему. — Ведь зима ещё долго будет тянуться. Просто оттепель на дворе.

Но Чок не слушал меня. Полусонный, шатаясь, он двигался по комнатам вдоль стен. И болтался на нём его балахон. А вслед за Чоком брели пёс Бриг и кот Топ: присматривались к его балахону. Удивлялись.

— Ступай спать, Чок, — повторял я. — Ты ошибся! Ещё не весна.

Но всякий раз полусонный Чок подходил к блюдцу, из которого он раньше пил молоко, и непременно пытался сбросить с блюда нарисованные на нём шарики.

Ах, эти шарики! Они никогда не давали Чоку покоя.

— Хочешь молока, Чок?

Но Чок уже уходил к себе, в свой тёмный угол под кроватью. Спать.

РАССТАВАНИЕ

Пришла весна. Распахнулись окна квартиры. Дули тёплые и очень мягкие ветры, курлыкали голуби на карнизах окон. И, сидя на очень широком подоконнике, вдруг начинал тревожно мяукать кот Топ. Собака на него лаяла: «Замолчи! Не тревожь хозяина!» А ёж Чок поднимался на слабые лапки, падал, снова поднимался: просился на подоконник! Туда, к раскрытому окну!..

До самого вечера сидел обычно ёж на подоконнике и поводил носом, фыркал. Уж не ловил ли он здесь, в городе, запахи весеннего леса?

— Ты скучаешь, мой ёж! Ты не можешь быть

один! Тебе нужны другие ежи? И чтобы был лес! И травы! И ямки! Что делать мне с тобой, лесной зверь? Как быть?

И я решил: отвезу ёжика в заповедник (такой большой лес, в котором люди охраняют, берегут и изучают деревья, животных и птиц).

Я положил Чока в корзинку. Сел в поезд.

К вечеру я пришёл к опушке леса. Там меня встретил зоолог — научный сотрудник заповедника.

Мы познакомились. Я вынул ежа из корзинки и, поглаживая его по спинке (свои иголки он, конечно, сложил), сказал:

— Позвольте мне пустить моего ежа в ваш лес.

— Это можно, — ответил зоолог. — У нас в лесу много ежей! Да и мышей лесных немало. Голодать не будет.

Чок слушал наш разговор. Едва слышно пофыркивал. Ноздри на его маленьком рыльце всё время шевелились.

— Вот вы гладите ежа по спинке, совсем как щенка, — насторожился зоолог.

— Ну и что ж?!

— Не выйдет ваше дело. Он стал совсем ручной. Никуда от вас не уйдёт.

— Вы так думаете?

— Уверен. Спрячьте-ка ежа в корзинку и возвращайтесь с ним домой. А впрочем...

Мы вошли в лес. Нас охватил запах прошлогодней прелой листвы, молоденьких клейких листочков и весенних трав, покрытых вечерней росой.

Вдруг Чок рванулся из корзинки. Я еле его удержал. Громко, радостно фыркая, поводит он мордочкой и тянулся из моих рук.

Я его опустил на землю. Он тут же нырнул в какую-то ямку. И сразу стал незаметным. Ведь свалывшаяся прошлогодняя бурая трава и иссохшие листья в ямке были одного цвета с ёжиком.

Я присмотрелся и едва-едва разглядел своего Чока.

— Что ж... Что ж... — обернулся ко мне зоолог. — Лес ему дорожке всего на свете.

Я наклонился над ямкой и протянул руку, чтоб на прощание погладить Чока по иголочкам.

Но пальцы скользнули только по бурой прошлогодней траве. И захватили один иссохший листок.

Где же ты, мой Чок?

Солнце заходило. В лесу становилось всё темней.

И, наверно, только поэтому мне стало очень скучно...

ЗИМНЕЕ ГНЕЗДО ЧОКА

С пустой корзинкой я возвращался в Москву. Автобус довёз меня до станции. Потом — последний ночной поезд. И Москва.

Было уже совсем светло, когда я подходил к своей квартире. Я повернул ключ в замке.

За дверью тотчас радостно залаял Бриг. Через мгновение собака, высоко прыгая, старалась лизнуть меня в лицо.

Кот Топ тёрся о моё колено.

Спать мне не хотелось.

«Займусь-ка уборкой квартиры», — подумал я.

Я отодвинул кровать. И чего только не было в самом углу, в зимнем гнезде Чока! При свете солнца я вытащил два галстука, обложку журнала, носовой платок, перчатку, кусок старой газеты, салфетку, черновики какого-то отвергнутого киносценария, цветной носок и шарф... Шерстяной шарф моего друга. (Как искали мы его!..)

Всё это Чок подбирал по всей квартире, когда сооружал своё зимнее жильё под кроватью.

«КУШАТЬ ПОДАНО, СУДАРИ МОИ!»

Мне стало не по себе. Наверно, потому, что в поезде я не спал. От разворошённого гнезда Чока я отвернулся.

Что ж! Буду завтракать.

Увидев хозяйство ёжика, Топ почему-то помчался к шторе, спрятался и совсем, как обычно, стал звать Чока играть «в шторы». Отчаянно вопил: «Ищи меня!»

— Не ори, Топ! Замолчи. Да! Маленькое колючее чудо ушло из этой городской квартиры. Какое чудо? Обыкновенное. Наш ёжик Чок. Он остался в лесу. Там ему лучше. Что? Предательство? Это слово не подходит! Очень просто: где лес, там ежи!

Не дозвавшись Чока, Топ лёг на край шторы и вытянул лапы. Я подошёл, стал гладить его. Но Топ не шевельнулся, не замурлыкал. Замкнулся?

А пёс Бриг, склонив голову, неподвижно стоял у вещей, на которых зимой спал Чок. Пёс чуть слышно, жалобно скулил. Скучал?

Я вымыл руки, сел за стол. Завтракать!

— Кушать подано, судари мои! — позвал я зверей.

Ни собака, ни кот не шли к столу. И вот, как всегда, я постучал по полу блюдцем. Но они не отзывались. Мне стало скучно. Очень одиноко. Завтракать уже расхотелось.

Но чтобы всё же дозваться своих зверей, я крепче и крепче постукивал блюдцем по полу.

И оно разбилось.

Блюдце с красными и синими шариками. Нарисованными.

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Тут я обязан сказать следующее.

Мне стало известно: из года в год в один и тот же летний лунный вечер ёж Чок со всего леса

собирает вокруг себя ежей и ежат. Он рассказывает им о своих прошлых приключениях и всегда заканчивает так:

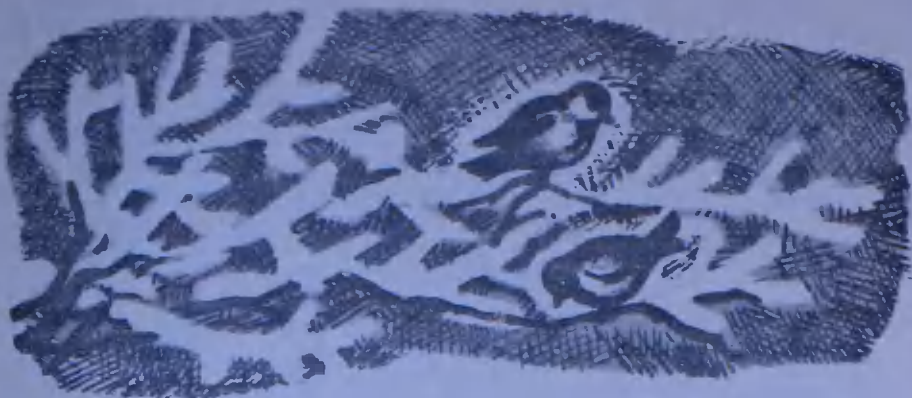
— Вот и старость пришла, и предел жизни я вижу. Но с каждым уходящим днём всё больше и больше беспокоюсь: там, где я жил, выходили из-под молока красные и синие круглые ягоды, но съесть их я не мог. Вот поэтому я и уйду из леса. И я всё-таки узнаю, непременно узнаю, почему эти шарики-ягоды не катятся...

Ежи и ежата с недоверием слушают его, подталкивают друг друга и, разбегаясь в разные стороны, потихоньку фыркают: ведь в лесу перед ними сколько угодно красных ягод-шариков. Их всякий ёж съест! И все ягоды — чуть тронь рыльцем — покатаются... А он говорит, будто... Вот чудак... Даже смешно... Смешно.

И Чок остаётся один. Над ним светит луна. Но и она, кажется, не понимает Чока.

Да, кстати! И зачем ему возвращаться в город: ведь блюдце-то с красными и синими шариками разбито! Я его собственной рукой выкинул на помойку.

КУСОЧЕК СОСНОВОЙ КОРЫ

ТРЕВОЖНЫЕ СУМЕРКИ

Издали лес казался чёрным, но стоило поближе подойти, и становилось видно, что лес совсем седой. Это потому, что иней и снег крепко уцепились за ветки деревьев.

Был мягкий, рыхлый зимний день. И хотя всюду кругом лежал глубокий снег, но день был не белый, а серый: тёмные, густые облака низко спустились и повисли над вершинами деревьев, солнце спряталось за облаками, а деревья не бросали теней на снег.

Было тихо. Только изредка слышалось, как сухая веточка падает с дерева.

Зимний лес привык, что сумерки, которые его каждый день окутывают, бывают то с лёгким, то с густым синим оттенком. Но в этот день сумерки были серые. Они быстро темнели, чернели.

В лесу недалеко от опушки стояла старая, полусгнившая, совсем трухлявая осина.

В ней было дупло.

Под самый вечер в это дупло влетела какая-то птица. Ведь день она летала по лесу — искала пищу, но всё не находила: поклевала бы насекомых, но они забрались под снег или ушли куда-то глу-

боко под кору деревьев; раздолбила бы шишку сосны или ели и наглоталась бы вкусных семян и была бы сыта. Но шишек с семенами не было.

Голодная и усталая птица вернулась к себе домой, в дупло старой осины. В сгущающейся темноте мимо дупла пролетели снегири. Весь день сидели они в поле на ветках кустов — красные снегири на чёрных ветках кустов, торчащих из снега. Но вдруг свистнули, крикнули, поднялись, взлетели и все вместе углубились в лес.

Чернота ночи придвинулась к каждому дереву в лесу, придвинулась к дуплу и плотно закрыла щель — вход в дупло. Сидя в гнезде, птица то тянулась к щели дупла, то забивалась в уголок и беспомощно перебирала лапками.

Всегда в это время птица уже спала, но теперь она сидела в дупле с открытыми глазами и к чему-то прислушивалась. Иногда она вдруг вздрагивала в испуге и прижималась к холодной стенке дупла. Верно, что-то недоброе в лесу в наступающей темноте уловил чуткий слух старой птицы.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЕТРА

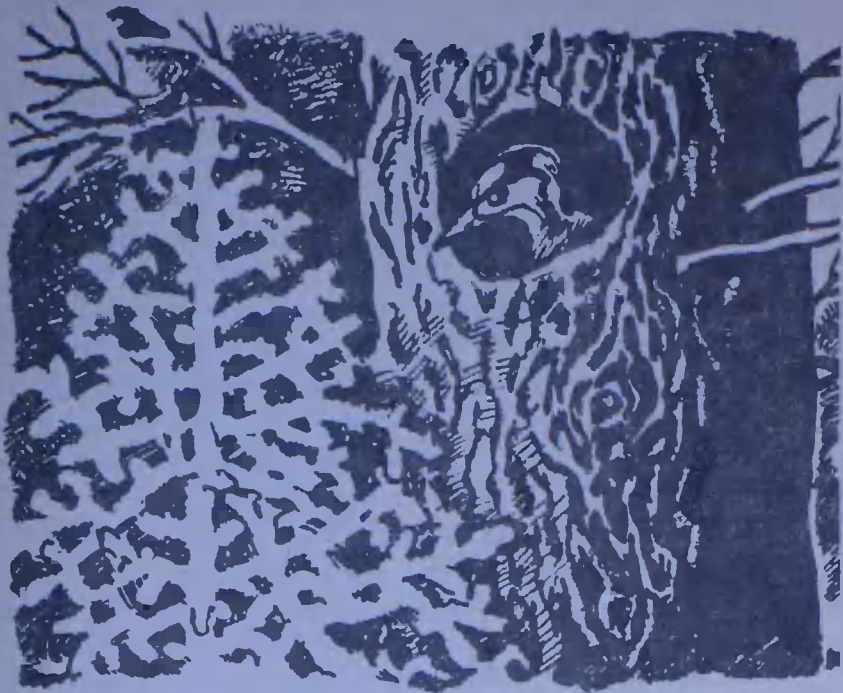
За лесом лежали пустые белые поля.

Ещё днём, когда было светло, по полю, недалеко от леса, проехали, скрипя полозьями по снегу, тяжело нагруженные сани.

За санями показался глубокий узенький след. Весь день было видно: след куда-то тянется, тянется...

Днём над полями летал ветерок, но он был так тих, что даже не засыпал снежком след саней.

А под вечер сразу же в разных местах в поле закрутились, задымились белые маленькие столбы. Рассыпаясь в одном месте, они, эти белые крутящиеся маленькие дымки, вдруг поднимались в других местах.

Чёрные прутья кустарников на опушке, где днём сидели снегири, теперь, под вечер, то хлестали снег, склонялись, били поклоны, то отшатывались и, мелко дрожа, снова припадали к белому дымящемуся полю.

Ветер поднял в поле облако снега и помчался на лес. Скорость, быстрота полёта ветра всё возростала. Ещё минута — ветер ворвётся в лес, в самую чащу. С воем и свистом разгуляется там и вырвет с корнем дерева. Всего метров пятьдесят — сто оставалось ветру до леса. И здесь, почти у стены леса, он замедлил свой полёт. Ветер увидел: совсем близко от него стоит лес — седой, молчаливый, неподвижный, задумчивый лес. И ветер испугался.

Пожалуй, ветер совсем бы остановился или вернулся бы к себе в поле, но было уже поздно: задние волны ветра напирали на передние, толкали. Остановиться было нельзя. И ветер нехотя, с гораздо меньшей силой, налетел на лес.

С неба стал падать снег — мелкие, но частые хлопья. Ветер смешал эти хлопья со снежным облаком, которое он принёс с полей. И над лесом, так же как в поле, закрутились, завихрились белые дымы. Белая снежная мгла и ночная темнота окутали лес — соединились, но не смешались. Отдельные волны ветра всё же просочились в лес. Эти волны ударялись о деревья, дробились, словно кидались от дерева к дереву. Но чем глубже в лес проникали ветровые волны, тем всё тише и тише они текли; а где-то в лесу волны совсем стихали, застывали. В глубокой чаще леса уже совсем не было слышно ветра.

Осина, где было дупло птицы, росла недалеко от опушки леса. Ветер с поля налетел на осину. Дерево скрипело, стонало. Ветер швырял сухой снег в щель дупла, и в гнезде было мокро и сыро.

Вдруг кто-то резко и сильно царапнул край дупла. Потом над самым дуплом что-то зашелестело, застучало, и снова послышалось резкое царапанье.

Куница! Это она — светло-коричневая, длинная, быстрая — вцепилась в ствол, рвётся в дупло. Схватит птицу, вытащит из гнезда...

Куница!

От испуга пёрышки у птицы на голове поднялись, сердце заколотилось.

Вот уж смешная птица! Конечно, куница врывается ночью в дупла птиц, кидается на птицу, впивается в неё зубами и уносит из гнезда. Так бывает. Но в эту вьюжную ночь куница не выходила на охоту. Это была не куница: под порывом ветра на стволе осины сломалась сухая ветка. Она царапала край дупла, стучала по дереву, шелестела.

Так шла ночь: белые дымы снега над лесом, скрип старой осины, вой и свист ветра в голых ветвях и страшное царапанье, которое напугало птицу.

Но вот мало-помалу ветер стих. Стали стихать и звуки в лесу. Снег уже падал редкими хлопьями. Светало. Птица встряхнулась, рванулась к щели, вылетела из дупла.

КАК СОСНА ОТВЕЧАЛА ДЯТЛУ

Над лесом всходило солнце: белый снег стал чуть-чуть розовым. Через лес летела птица.

Спокойно стояли в лесу старые ели, точно и не было ночью вьюги в лесу. На своих мохнатых лапах-ветках они держали подушки снега. Ветер за ночь их уложил и умял, мороз приморозил.

Всё кругом было ярко-белое и чуть розовое.

Вчера, перед вьюгой, в лесу тишина была вялой и тяжёлой. А теперь, утром, всё было торжественно и даже звонко: ведь всюду блестели, загорались, гасли снежинки, и казалось, из-за каждого дерева наперебой зазвонят тоненькие-тоненькие колокольчики.

Птица подлетела к сосне, которая росла посреди лесной полянки, опустилась на ствол, уцепилась когтями за кору и ударила клювом по стволу: тук-тук...

Большой пёстрый дятел!

Голодная птица искала насекомых. Цеплялись за ствол зеленовато-серые лапки, упирался в дерево жёсткий хвост, а тёмно-серый клюв долбил кору. Дятел искал личинки короедов, которые дырявят дерево, делают ходы под корой или в древесине. Губят дерево.

От яркого холодного сверкания снежинок чуть-чуть потускнело красное пятно на затылке птицы, а чёрные пёрышки на спинке стали отливать синеватым оттенком.

Тук-тук... Дятел ударил клювом по стволу, прислушался, опять ударил. Уж не ловил ли он эхо своего же стука? Нет! Дятел не прислушивался, как отдаётся стук в лесу.

Но, может быть, чуткая птица, стукнув клювом о ствол, настораживалась: не зашуршат ли, не закопошатся ли, не станут ли бегать короеды там, в дереве, под корой? Нет. В лесу стояла глубокая зима: короеды в это время года крепко спят. Никогда стук дятла о кору не будит короедов. От стука они не проснутся, не станут бегать, суетиться, шуршать, шуметь под корой.

Дятел прислушивался к тому, как звучит дерево, как отвечает оно на стук клюва. Только так узнаёт птица, есть ли в дереве короеды, будет ли она сыта.

Ведь короед, поселившись в дереве, грызёт кору, а древесную муку вывозит на своей «тачке» (углублении на заднем конце надкрылий) и оставляет эту муку на коре. Короеды выгрызают маленькие комнаты, в каждой из них откладывают яички, из которых выводятся личинки, а они, в свою очередь, удлиняют, всё удлиняют ходы в дереве.

И сколько под корой разных ходов — звёздчатых, изогнутых, прямых!

Если там, где дятел ударил клювом, короеды уничтожили древесину, превратили её в труху, то в этом месте сосна зазвучит глухо, тяжело. Но совсем на другой лад зазвучит дерево в том месте, где нет пустоты, где нет короедов.

Всё медленней и тяжелее прыгала птица по дереву. Всё реже и реже стучала она клювом по стволу.

Видно, на все стуки дятла сосна отвечала: «Нет здесь короедов, милый дятел! Я здорова. Не здесь ищи короедов». Неуклюжие скачки, опять скачки, стуки — и всё напрасно: нет пищи.

Вот дятел наконец взлетел и прицепился к тоненькой веточке; легко и плавно он закачался вместе с этой веточкой над землёй. Теперь он, верно, полетит домой.

Нет. Он снизился и уцепился за ствол сосны,

случался и сразу же часто и сильно застучал по коре сосны. На этот весёлый стук дятла прилетела с песенками синичья стая.

Тук-тук... — летели на снег кусочки коры. Птички-синички прыгали по снегу и доставали клювиками из кусочков коры маленьких насекомых.

Тук-тук... — стучал дятел. И казалось, что он, стуча клювом, рассказывает синичкам:

«Ночь-то, ночь-то какая была! Вьюга, ветер... Старый лес испугался и от страха всё шумел, качался... А сосны — те от испуга прямо-таки дрожали. Осина, где было моё гнездо, в ужасе скрипела. А я вот ничего не боялся!.. Тук-тук... Я хоть стар, но смел... Куница полезла было ко мне в гнездо, а я — трах! — ударил её клювом: тук! Вот так. То есть не совсем ударил, а замахнулся на неё клювом: тук-тук...»

«Фью-фью!..» — звенели о чём-то синички, прыгали по снегу, клевали в коре насекомых. И старый дятел не понимал — то ли смеются птички над ним и не верят, то ли рады, что он такой смелый и храбрый.

Дятел хотел было об этом спросить синичек — стукнул клювом: тук... Но тут перед ним открылось гнездо короедов. Длинным липким языком со щетинками дятел хватал свою добычу. Насекомые сразу же прилипали к его языку. Голодная птица глотала и глотала добычу. Он будет сыт сегодня, этот большой пёстрый дятел. А заболевшее дерево будет избавлено от злейших вредителей — короедов.

Много кусочков коры упало в то зимнее утро на снег.

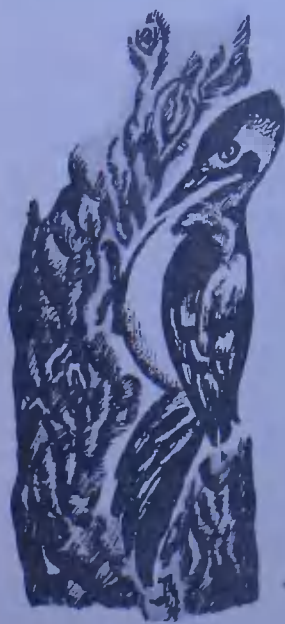
Весенние струи, блестя, сверкая на солнце, падали на кусочек коры. Вода, чуть-чуть тёплая, заполнила ямку.

Прошла зима. Растаял снег — один кусочек коры провалился в ямку. Маленький кусочек коры всплыл на поверхность и закачался на воде. Коричневый его цвет темнел, чернел, края его подгнивали.

Шли дни. Припекало солнце. Весенняя вода испарилась. Из ямки стала расти трава. Кусочек коры опустился на мягкую зелёную травяную подушку. Здесь, в ямке, я его и нашёл. На этом кусочке коры видны два отверстия — два удара клювом дятла. Оба отверстия схожи по форме и по размеру.

А с внутренней стороны, на изнанке этого же кусочка коры, видны следы работы короедов — узоры, похожие на отпечатки сухих веточек. И ещё здесь же видны маленькие углубления — какие-то крошечные комнатки.

Чем больше я смотрел на узоры и знаки на потемневшем кусочке коры, тем больше казалось, что они, эти узоры и знаки, складываются, совсем как буквы, в слова. А когда из слов начал составляться рассказ, я заметил, что кончики травинок высунулись из краёв ямки, где так долго лежал кусочек коры. Как внимательно смотрели они, получится ли рассказ о кусочке коры. Иногда кончики травинок, высохшие и пожелтевшие на летнем солнце, начинали вдруг метаться из стороны в сторону — хотели, пытались что-то сказать, подсказать... При этом травинки склонялись одна к другой и качались — говорили. Но о чём? Язык трав — кто его поймёт?

О ЧЁМ КРИЧАЛИ ДЯТЛЫ

Летнее солнце взошло над лесом, над домиком лесника. Светлые пятна, чуть дрожа, меняя свои очертания, весело перескакивали со ступеньки на ступеньку крылечка. Река под крутым берегом дымилась, будто чьи-то неумелые руки всю ночь пытались её поджечь. Белые клубы тумана поднимались над водой до края крутого берега и быстро рассеивались. Из тумана выступил край мокрого бревна и заблестал под солнцем чёрным лаком.

Я шёл к полянке, где росли сосна с берёзкой. Птицы на деревьях встряхивались и пели на разные голоса. Стволы деревьев, чёрные и коричневые, слегка золотились под лучами солнца, а бугры и полосы на белой коре берёзок становились ещё темнее.

Две тени пролетевших птиц скользнули по траве, по стволам и веткам деревьев. Мелькнули и исчезли.

Через две-три минуты направо от тропинки, по которой я шёл, снова мелькнули две тени.

Всё кругом тянулось к солнцу. Травы стреми-

лись стать такого роста, как кусты, кусты — как деревья. А деревья, видно, хотели дорасти до неба.

Небо над лесом — далёкое и голубое. Проплыл клочок белого облачка, и небо сделалось ещё дальше, ещё глубже, а голубизна его ещё голубее.

Вдруг я увидел: совсем недалеко от меня покачивается ветка сосны — на ней сидел дятел. Большой пёстрый дятел, с красным пятном на затылке и белыми заплатками на плечах. Другой дятел сидел, уцепившись когтями за ствол сосны; такие же чёрные бусинки глаз, такие же белые заплатки на плечах, но на затылке нет красного пятна.

И тут почему-то припомнилось «Слово о полку Игореве»: «Дятлы стуком путь к реке указывают...»

Я пошёл дальше. То там, то здесь валялись на траве листья. Подточенные гусеницами, они в это зелёное с золотом утро беспомощно отсвечивали преждевременной желтизной.

«Дятлы стуком путь к реке указывают...»

Солнце всё сильнее пригревало лес. Теплота в лесу пахла свежими мокрыми травами. Но уже пробивался запах смолы, душицы и мёда. И всё более сухой становилась эта теплота.

«Дятлы стуком путь к реке указывают...»

«Князь Игорь бежал из половецкого плена. За ним погоня. Шелестел, шумел высокий ковыль в степи. Ведь в степи нет деревьев, нет дятлов. Как же дятлы указали Игорю путь?» — так думал я, идя по лесу, и залюбовался двумя берёзками. Стройные, молодые деревца стояли рядом, слегка склонив свои тонкие ветки над тропинкой, которая здесь круто поворачивала. На стволах берёзок сидели дятлы. Было похоже на то, что дятлы следили за мной, когда я шёл по лесу, не отставали от меня, а теперь меня поджидают.

Я подошёл к берёзкам — дятлы взлетели и закричали. Крик их был отрывистый и скрипучий.

Они улетали, прилетали и кричали то тише, то громче. Я остановился, и тут оба дятла стали летать надо мной с резким криком. Пошёл дальше. Один из дятлов, продолжая кричать, полетел вслед за мной, покружил и вернулся назад. Издавали слышно — дятлы ещё некоторое время спокойно кричали. Постепенно всё стихло. Я шёл всё быстрее. Однако как странно вели себя дятлы! О чём они кричали?

Да, надо подумать: как же в степи дятлы указали Игорю путь?

Где-то в степи — на берегах речек, в оврагах, яругах — частый кустарник, деревья. Эти деревья в низинах, и беглец их не видит. Но дятлы стучат, Игорь слышит их стук. Беглеца мучит жажда. Вода там, где стучат дятлы. Но, может быть, там, между деревьями в зарослях, засада врагов?

Дятлы, эти чуткие птицы, не стучали бы по коре, не искали бы насекомых там, где прячутся люди. И Игорь спешит, бежит на стук дятлов. Донец для усталого беглеца стелет на своих берегах мягкую зелёную траву и скрывает его в тёплой мгле.

Да, тот, кто вспомнит «Слово о полку Игореве», ещё раз поймёт, что надо учиться наблюдать, быть внимательным к приметам природы.

Почему дятлы встретили меня в лесу, провожали, обгоняли, поджидали на тропинке, а потом вдруг закричали? Я ушёл — они стихли. Почему? Верно, там, где птицы беспокоились, кричали, — там близко их гнездо, там гнездовой участок. Но ведь птица обычно уводит подальше от своего гнезда, а тут дятлы кричали, привлекали, словно указывали — здесь наше гнездо. Почему?

Что ж, надо вернуться назад — туда, где кричали дятлы. Может быть, мне и удастся понять странное поведение птиц.

Вот опять я на тропинке, где у поворота растут две молодые берёзки. Дятлы снова встрети-

ли меня громкими криками. Совсем так, как кричали они раньше. Но на этот раз я заметил: покружив с криком надо мной, дятлы непременно возвращались к одинокой высохшей осине. Я стал вслушиваться в их крики и различил: всего громче и яростнее они кричат, летая над осиной. Под этот отчаянный крик я подошёл поближе и увидел: малиновые рты птенцов дятлов тянулись из дупла. Птенцы ждали пищи. Резок и пронзителен писк голодных птенцов, но теперь этот писк заглушался отчаянным криком дятлов.

Видно, дятлы-родители чувствуют незваного гостя ещё тогда, когда он находится далеко от их гнезда с птенцами. Дятлы следуют за ним, поджидают: куда пойдёт этот гость? И всё молчат. Но тот, кто приблизится к гнезду с птенцами, не услышит писка: отчаянный крик родителей-дятлов заглушает писк птенцов.

До свиданья, дятлы!

Я ушёл от осины с гнездом, где сидят голодные птенцы, и шёл всё быстрее, всё дальше и дальше в глубь леса.

До свиданья, дятлы!

ЦВЕТНЫЕ КАМЕШКИ

Вася проснулся. Над ним в небе висела луна. Совсем близко стояли чёрные стволы деревьев. Их ветки склонились над головой и чуть-чуть шевелились.

Вечером, когда подъезжали к мостику из белых брёвнышек, в машине что-то застучало. Шофёр Андрей Иванович съехал с дороги и стал чинить машину. И все трое — Вася, бабушка и Андрей Иванович — остались ночевать в машине.

Как тихо в лесу! Спят в своих тёмных норах разные звери. В мягких гнёздах спят птицы. Но не спит вода под мостиком и всё о чём-то ворчит, хлопочет. Совсем где-то рядом с машиной вдруг зашевелились, затрепетали листочки осины — сначала едва слышно, потом всё громче и громче. И уже шелестит всё дерево, и даже не слышно, как беспокоится вода.

Понемногу стихла осина, но, верно, её листочки передали трепетание листочкам другой осины. Чуть подальше начинает шуметь другая осина, а там и третья начинает тревожно говорить, говорить...

Три дня назад шестилетний Вася с бабушкой приехали в совхоз, куда маму ещё весной направили работать на гидростанцию.

Приехали они ясным летним утром. Вася слез с машины и сразу подбежал к большому чёрному коту, который сидел на крыльце и грелся на солнце, прищуривая свои круглые зелёные глаза. Кот кинулся прочь, Вася — за ним. Споткнулся, упал, ушиб голову. Поднялась температура. И хотя уже на другой день Вася чувствовал себя хорошо, но фельдшер сказал маме:

— Раз человек ушиб голову — глаза проверить надо. Поезжайте в город.

Какие большие, высокие деревья обступили машину! Как далеко от их верхушек до неба, по которому плывёт к луне облако! У него два горба, как у верблюда на картинке. Вот облако заслонило луну. Края его засветились. Не стало верблюда. Растаял, исчез. Стихли листочки на осинах, и опять стало слышно, как беспокоится, шумит вода... А на берегу речки, у самого мостика, растут цветы. И тут же лежат камешки. Шофёр Андрей Иванович сказал:

— Это гравий. Завезли для починки дороги.

Почему «гравий»? Просто камешки. Жёлтенькие, беленькие с точечками, прозрачные, чёрные с белыми жилочками, красненькие, розовые...

Когда машина остановилась и было ещё светло, с дерева сорвался листок, покружил в воздухе и медленно опустился в воду. Он плыл, всё плыл и то прятался под тень кустов, то появлялся и грелся в последних лучах заходящего солнца. И опять плыл, вертясь на воде. Где он теперь, этот листок? Верно, он уже доплыл до моря... Там, в море, киты. Как в книжке... И один кит выплыл листку навстречу. И оба они — и кит и листок — качаются рядом на волнах. А кит пускает большой-большой фонтан...

Но вот уже за машиной, стоявшей у мостика,

— Вот она, птица! У мостика стоит, камешки клюёт!

за лесом всходит солнце. Свет его, прорываясь между деревьями, между зелёными ветками, ударяясь о стволы, брызнул на траву, покрытую матовым туманом, на кучу разноцветных камешков у мостика.

«Да, не забыть бы взять с собой горсточку камешков!.. Цветы завянут, а камешки...»

Вася стал осторожно перелезать через борт машины над колесом. И вдруг замер. Потом крикнул:

— Птица! Чудесная птица какая!.. Бабушка, смотри! Смотри!.. Вот она! Вот!

Бабушка проснулась и посмотрела на Васю испуганными, широко раскрытыми глазами:

— Что? Что, Васенька?

— Вот она, птица! Большая-большая! У мостика стоит, камешки клюёт! Посмотри же, бабушка!

— Что там? Какие камешки? Какая птица!.. — откликнулся из кабинки Андрей Иванович.

Разминаясь, потягиваясь, он подошёл к борту машины, не спеша развернул полотенце, перекинул его через плечо, покачал головой:

— Камешки — не пища для птицы. Сейчас поедем. — Андрей Иванович направился к ручью.

— Ой, где же птица? Нет её! — воскликнул Вася.

Бабушка гладила Васю по голове:

— Ничего, Васенька, ничего! Бывает... Мало ли что со сна почудится.

Андрей Иванович вернулся:

— На, Вася, вот тебе камешки, поиграй! Разве птица будет их глотать! Сам посмотри.

— Ела птица камешки, была здесь птица... — начал было Вася.

Машина вздрогнула и, переваливаясь, выехала на дорогу, застучала по белым брёвнышкам мостика и, набирая скорость, помчалась в город.

Подъезжая к городу, машина задержалась у железнодорожного переезда. Чёрный лакирован-

ный паровоз прокричал своё приветствие Васе. За паровозом тянулись вагоны. Много-много. И каждый вагон, пробегая мимо машины, отстукивал на одном и том же месте: «Так-так!.. Привет... Вася!.. Так-так!..»

Потом машина понеслась мимо маленьких деревянных домиков. Вьюнки с цветами и плющ со слегка покрасневшими листьями тесно вились по стенам этих домиков, взбирались всё выше и выше и цеплялись за края крыш.

Машина дала продолжительный гудок — с дороги в разные стороны кинулись куры. Ветер смешно раздувал их хвосты. Куры с кудахтаньем прятались под ворота и калитки. Большой рыжий петух вскочил на низенький забор и с беспокойством, то поглядывая по сторонам, то запрокидывая голову, оозывал кур.

— Бабушка, бабушка, смотри: петух похож на ту птицу, у камешков!..

— И далась тебе та птица! Ушиб головку, вот и причудилось.

— Нет, бабушка... — начал было Вася. Но тут он увидел, что морщинки собрались у её глаз и почему-то задрожали губы, и сказал: — Это я так, пошутил. Не было птицы у камешков... не было.

В поликлинике на одной из дверей блестела дощечка с надписью: «Глазной кабинет». Вот дверь раскрылась, и из глубины послышалось:

— Следующий.

Вася почувствовал, как дрогнула большая, жёсткая, шершавая рука бабушки, державшая его. Торопливыми, но очень осторожными шагами бабушка вошла с Васей в кабинет.

— Вот привезла внука... Плохо с глазами у Васеньки. И ушиб этот... — медленно и тихо проговорила бабушка врачу.

— Так, так, — повторял врач, записывая что-то в книгу. — Ушиб... путёвка из совхоза... зовут Василием... шесть лет. Проверю глазное дно.

«Дна совсем не было видно в речке, — подумал Вася. — Вода около мостика из белых брёвнышек была чёрная-чёрная. А камешки... Где мои камешки?» И Вася опустил руку в карман и потрогал камешки.

Доктор круто повернулся на стуле к Васе, и в его руке блеснуло круглое стёклышко. По стеклянной дверце белого шкафа запрыгал весёлый солнечный зайчик. Вася, стоя, смотрел: куда он прыгнет?

— Глазное дно обоих глаз чистое... — громко сказал врач. — Прекрасный внук у вас, бабушка, и все буквы знает, и зрение, как у молодого орлёнка!.. До свиданья, счастливого пути!

Но бабушка не уходила. Она стояла у стола, теребила кончик серого платка и неровным, чужим, совсем незнакомым голосом говорила:

— А болезнь всё же есть... Её вам не видать, сидит она внутри... И раньше, до ушиба, посмотрит на одно, а говорит про другое. Ведёшь его за ручку из детского сада домой, на Мещанскую, а он покажет на деревце, что посадили в скверике, и говорит: «Видишь, бабушка, тополёк задумался, скучный какой-то!» Посмотрит Вася на выпавший снег и говорит: «Белое одеяло на землю легло...»

Врач весело рассмеялся:

— Выходит, у него не два глаза, а четыре! Фантазия, воображение. Это счастье, а не болезнь!

А бабушка не слушала.

— А сегодня на заре в лесу причудилась ему птица и будто она ест камешки...

— Вот эти... эти камешки! — воскликнул Вася.

— А у птицы красные брови? — спросил доктор.

— Красные-красные!

— И чёрные-чёрные глаза?

— Да.

— А шея синяя?

— Не очень синяя, но всё-таки синяя. Посмо-

трет в одну сторону, а потом клюнет, посмотрит в другую — и опять клюнет.

— А на крыльях видел точки, полоски?

Вася утвердительно кивнул головой.

— Глухарь! — воскликнул доктор. — Это был глухарь. И камешки он ест. Зимой пища глухарей из одной хвои состоит... Был я охотником в молодости. Застрелишь, бывало, глухаря, а в желудке камешков пятьдесят — шестьдесят. Ест он хвою, а камешки эту жёсткую пищу перетирают, как жернова... Ну, счастливого пути! Увидишь, Вася, глухаря — кланяйся ему от старого охотника... Счастливого пути, бабушка! И не удивляйтесь — Вася ещё и жар-птицу увидит. Верно?

«Жар-птицу?» — хотела переспросить бабушка, но доктор распахнул дверь:

— Следующий!

* * *

Все два дня, пока шофёр Андрей Иванович получал наряды на горючее, в городе шёл дождик. Вася глядел в окно и говорил:

— Вымокла птица и не прилетит клевать камешки у мостика...

Но когда машина возвращалась в совхоз, дождик утих. Сразу же за мостиком из белых брёвнышек Вася попросил остановить машину. Съехали с дороги. Но всё здесь было совсем не так, как в то утро, когда прилетала птица. Брёвнышки мостика стали скользкими. Ручей суетился сильнее, и вода в нём стала мутной, с белой пеной. Горка мокрого песка, насыпанного у мостика, осела, расплылась. Камешки, умытые дождём, чуть-чуть поблёскивали. На эти камешки смотрел Вася: а вдруг прилетит птица и поклюёт камешки? Нет, птица не летит. Снова начал шептаться дождик.

— Поехали, — сказал Андрей Иванович. — На шоссе ещё ничего — проедем, а свернём к совхозу, так, может, и застрянем.

— А птица? — начал было Вася, которому бабушка так и не позволила выйти из кабины. — А птица как же?

— Спит. Дождь. Да и была ли она? — усмехнулся Андрей Иванович.

С узорчатых листьев тоненькой рябинки с почерневшим от дождя стволом падали капли на колокольчик. И он опускал, поднимал и снова опускал синюю, чуть съёжившуюся головку.

Машина, шурша по шоссе, уходила всё дальше и дальше от мостика. Вася сидел рядом с Андреем Ивановичем и смотрел в лес. Мелькали стволы деревьев, кусты. Ветки слегка задевали крышу кабины. Вон там на повороте дороги, за берёзкой, что-то качнулось. Не глухарь ли? Но когда поравнялись с берёзкой, Вася посмотрел и увидел маленький мокрый куст можжевельника. Вздохнул и снова стал всматриваться в лес сквозь помутневшее стекло кабины, по которому струйками стали стекать капли дождя.

Кончался день, когда машина подъехала к дому. Сразу же прибежала мама.

— Всё хорошо, всё хорошо, — сказала бабушка.

Потом сели пить чай. За столом вместе с мамой и бабушкой сидели хозяева маленького домика — старый счетовод Семён Иванович с женой. Бабушка разливала чай и рассказывала, как доктор посмотрел сквозь какое-то стёклышко на глаза Васи: «Чистое дно». И ещё бабушка рассказала о том, что соседка по квартире в городе купила себе гардины. Тюль. Загляденье! Нам бы такие...

Вася сидел за столом, слушал и удивлялся: почему же бабушка не говорит про птицу?

— А вот птица... — несмело начал было Вася.

Но бабушка ещё громче заговорила о гардинах:

— Они уже совсем рваные. Заменить бы. Пусть как у соседки. Красота!

Тогда Вася достал из кармана цветные камеш-

ки, положил на стол и сказал сидящему рядом Семёну Ивановичу:

— Вот эти камешки...

Но Семён Иванович не смотрел на камешки. Поправляя очки, он повторял:

— Семь букв... семь букв... — и ещё ниже склонялся над кроссвордом в «Огоньке». — «Птица из отряда куриных». Курица? Не так! Куропатка? Девять букв! А надо семь. Тетерев — подходит? Нет: не сходится с рекой Леной. Вторая буква «л»...

— Глухарь!.. Доктор сказал, что птица ела вот эти камешки, — перебил Вася Семёна Ивановича.

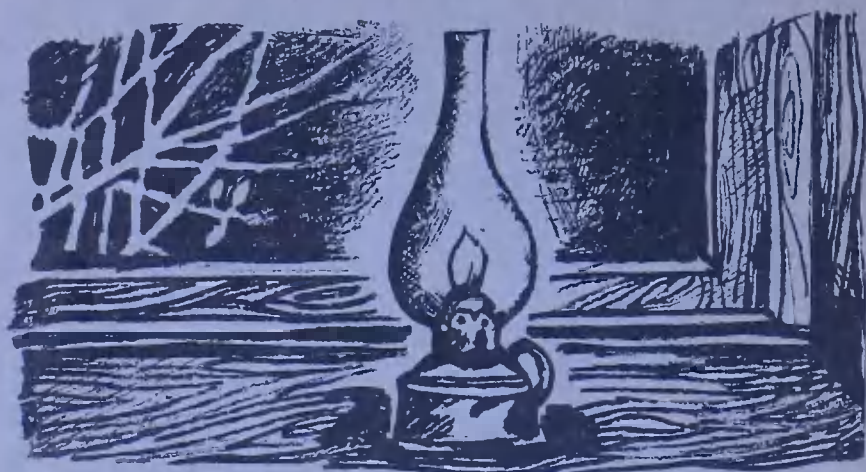
Но тот, не оборачиваясь, всё шептал: «Семь букв... семь букв...»

Вася опустил голову на стол. Глаза его слипались. Перед ним на белой скатерти около чайника появилась птица. Большая какая!.. Но чайник не задела. Синяя шея, красные брови... Птица наклоняет голову и клюёт его камешки на скатерти. Какая красивая!

— Спать! Пора спать!.. — Мама осторожно подняла Васю, стала его раздевать и укладывать.

Перед тем как лечь спать, Васина мама убрала со стола посуду, сняла скатерть с крошками еды и камешками и встряхнула её за окном. И так как за этим окном густо разрослись лопух и крапива, то камешки, скатываясь с листьев на землю, о чём-то тихо прощуршали. А два камешка даже блеснули при луне.

ОРАНЖЕВОЕ КРУЖЕВО

I

Окошко в домике лесника открыто. За окном — чернота летней ночи. Мигает, потрескивает и вытягивается вверх пламя керосиновой лампы. Листья кустов перегнулись через подоконник, заглянули в комнату и от света лампы покрылись чёрной позолотой. Снова и снова смотрю, вглядываюсь: что же такое я принёс из леса и положил на стол?

Вот... вот оно... сдвинулось с места. Совсем как в лесу на пне.

Я повернул фитиль — стало светлее. Всмотрелся. Нет, ошибся: то, что принёс, лежит совсем неподвижно на листе белой бумаги — там, где и лежало два часа назад.

Но ведь в лесу оно передвигалось. Я видел... Или мне только показалось?..

II

Всё началось с муравья, обыкновенного лесного рыжего муравья. Он тащил маленький прутик. Глубоко в траве пролегал муравьиная дорога.

Муравей с ношей то исчезал под травинками, склонившимися над дорогой, то снова появлялся. И всё бежал, бежал... Дорога вела к муравейнику.

Живой, шевелящийся холмик крепко прислонился к чёрному стволу ели, словно хотел толкнуть, сдвинуть её с места. Но старая ель наклонилась над муравейником, опустила над ним лапчатые ветви — заслонила от солнца. В ветреный день эти чёрно-зелёные опахала слегка покачиваются над муравейником и ласково касаются хвоинками его верхушки.

Сам не зная почему, я отобрал у муравья его ношу и вспомнил, что это маленькое насекомое может тащить груз, в шестьдесят раз превышающий вес его тела.

Муравей сразу же побежал прочь от муравейника. Снова и снова я клал перед ним прутик, но он не притрагивался к нему, а куда-то всё спешил. Навстречу ему суетливо бежали с разной ношей другие муравьи. В свой дом они несли мелких гусениц, хвоинки, зёрнышки, песчинки. Муравей, у которого я отобрал ношу, подбегал на дороге к другим муравьям. Они останавливались и касались друг друга сяжками-усиками. Уж не рассказывал ли муравей каждому встречному и поперечному о пропаже прутика?.. Недолгая остановка — одна... другая — и мой муравей снова продолжал путь. Куда он бежит? Зачем спешит?

Затерялась в траве муравьиная дорога. Муравей прибежал к гнилому, полуразвалившемуся пню. Как много дырочек, щёлочек, отверстий было в этом пне! Муравей взбирался и осторожно обходил каждую «зияющую пропасть». Вдруг он остановился на краю одного отверстия, помедлил и стал спускаться. С чем он вернётся оттуда?

Вскоре муравей показался из отверстия пня. С трудом тащил он жёлтую хвоинку.

Но разве мало хвоинок возле муравейника под елью? Смешной муравей!

Стоило мне терять столько времени ради обыкновенного рыжего муравья! Но тут я увидел: муравей завяз в какой-то студенистой массе. Оранжевая, величиной с ладонь, она расплылась в виде прихотливого кружева и застыла на самом краю пня. Это странное, полужидкое кружево засасывало у меня на глазах муравья, а он всё же не выпускал хвоинки. Я попытался веточкой вытащить его, и сразу же на студенистой массе появились пузырьки и даже выступил коротенький слизистый отросток. Было похоже на то, что студенистая масса злится и очень недовольна: не мешайте поглощать муравья! Впрочем, это могло мне показаться: дул лёгкий ветерок, чуть-чуть колыхались ветки деревьев и на пне не прекращалась игра светотени.

Но тут я отвлёкся: увидел на рябинке, которая росла поодаль от пня, тлей. Маленькие, светло-зелёные, толстенные, они прижались к перистым листьям рябинки. А к ним по стволу пробирались рыжие муравьи. Я стал смотреть, как муравьи получают от тлей сладкую жидкость.

Низенькая ель росла около рябинки. «Какая она нахмуренная и полусонная!» — подумал я и, забыв о тлях, стал её рассматривать.

На голем сучке я увидел птичку. Почти чёрная, с белыми пятнышками на крыльях и хвосте, она словно притаилась, прижалась к сучку. Мухоловка-пеструшка! Я стал искать дупло — гнездо мухоловки.

Припекало. Густые, прозрачные, тяжёлые капли смолы проступили на стволах сосен. Сильнее запахло сухой травой, нагретой хвоей.

III

Я вернулся к старому пню. Тень от берёзки переместилась на пне. Но почему, как и раньше, оранжевое кружево лежит в тени? Будто оно, это

оранжевое кружево, передвигается, следует за тенью, прячется от солнца. Можно было даже заметить, как сжимаются, становятся меньше и меньше отверстия, петли и узоры кружева на границе светотени, будто студенистая масса, боясь солнца, собирала кружевные петли, уходила в тень.

Долго я стоял, смотрел, наблюдал. Но студенистое кружево вовсе не передвигалось по пню. Не стоять же у пня и ждать, не побежит ли по пню какая-то студенистая масса!

Я пошёл бродить по лесу. Забыл маленького рыжего муравья, который привёл меня к пню, забыл и студенистую массу, похожую на оранжевое кружево.

IV

Близился вечер. Я возвращался к домику лесника и остановился у того же старого развалившегося пня. Студенистой оранжевой массы не было видно. Верно, она испарилась под жаркими лучами солнца. На краю пня лежал иссохший муравей, а рядом с ним — жёлтенькая еловая хвоинка. Можно было подумать, что студенистая масса «съела» свою жертву и испарилась.

Но в развилке сучка, который торчал из пня, я увидел... комок оранжевого цвета!

Уж не оранжевое ли кружево, постепенно сгущаясь и переливаясь, перебралось с пня на этот сучок?

V

Керосиновая лампа горит на столе у низенького окна в домике лесника. Сюда под вечер принёс я тот студенистый оранжевый комок, который снял с сучка. Вот он лежит на белом листе бумаги у лампы. Лежит неподвижно и ни на один миллиметр не сдвинулся с места.

Я вышел из домика. С густо-синего неба свети-

ла луна. Лесная речка была похожа не на речку, а на чёрную дорогу, узкую и извилистую. Кусты и деревья закрыли эту дорогу от луны, и их верхушки чуть-чуть серебрились. Хорошо знакомые деревья, обступившие домик, скворечник на длинном шесте, плетень огорода, полураскрытые ворота сарая, где стояли лошади, — всё это теперь, при свете луны, предстало в новых, изменённых очертаниях и сделалось незнакомым и неправдоподобным. Не хотелось возвращаться в дом. И, чтобы погасить лампу, я подошёл к окну, раздвинул кусты... и замер: студенистый комок лежал теперь совсем не там, где раньше. Он передвинулся на край листа бумаги, поближе к свету лампы.

Бродячее чудо!!! Я отвезу тебя в Москву, покажу знакомому биологу.

Я вошёл в дом, положил студенистый комок в небольшую картонную коробку, перевязал коробку тонким, но крепким шпагатом, погасил лампу и отправился спать в сарай.

Ворота сарая были раскрыты. И при лунном свете было видно: белая старая лошадь устало положила голову на спину молодой рыжей лошадки, а молодая, боясь резким движением разбудить старую, не трогалась с места и лишь иногда приподнимала и очень осторожно опускала то одну, то другую ногу. И, поглядывая по сторонам, поблёскивала в полутьме большими глазами. Я прикрыл ворота. Крепче запахло свежим сеном, конским навозом.

VI

В телеге — небольшой чемодан с книгами. В руке — коробка. А в коробке — то, что я уже назвал «бродячим чудом». Рыжая лошадка трогает. Лучи солнца ещё не жгут, а мягко греют. В голубом небе ни облачка. Обернувшись, я вижу: старая белая лошадь вышла из сарая и глядит вслед уезжающей телеге. И вдруг, втягивая и раз-

дувая бока, она заржала. Рыжая лошадка остановилась и заржала в ответ — весело, звонко и переливчато. Но старая лошадь не ответила и опустила голову к траве.

Колёса телеги катятся всё быстрее и быстрее по лесной дороге, слегка подпрыгивая в старых колеях, заросших мягкой травой.

VII

Крупные буквы, выведенные красной тушью на стенной газете, висевшей в коридоре зоологического музея, ещё горели и призывали: «Сдадим сессию на «хорошо» и «отлично!». Но студенты, наполнявшие ещё недавно своим шумом и говором коридоры, вернутся сюда только осенью. На улице знойный, яркий летний полдень, а здесь тихо и прохладно. От каменного пола музея идёт лёгкий холодок. Шаги раздаются отчётливо и звонко. Через огромные стёкла окон демонстрационного зала солнце заливает жарким светом экспонаты диковинных рыб и зверей.

Биолог выслушал мой рассказ и положил руку на коробку, которую я стал было развязывать на лабораторном столе в его кабинете.

— Вы уходили, приходили и вновь уходили от пня, смотрели на небо, смотрели на тлей, на листья рябинки, на мухоловку-пеструшку, а в это же самое время ваше оранжевое кружево перемещалось от света к тени...

— Да-да. Мне показалось, эта слизь... передвигалась по пню.

— Вовсе не показалось. Давно подсчитана скорость движения этой массы: один миллиметр за десять минут.

— Уж не она ли сожрала моего муравья?

— Вот... вот! И только жёлтая хвоинка и хитиновая оболочка остались на пне от вашего рыжего муравья.

— Так вот что случилось с моим рыжим муравьём, который нёс хвоинку!.. А теперь, позвольте, я покажу вам это кружево. Оно лежит здесь, в этой коробке, в виде комка.

— В виде комка? А не ошибаетесь ли вы?!

— Лампа горела ярко, когда я клал в коробку комок. Его я и привёз. Смотрите!

Я стал развязывать коробку.

— Не торопитесь. У вас в коробке совсем не то, что вы туда положили, — сказал биолог.

— Так смотрите же!.. — Я открыл коробку, посмотрел и запнулся. — Где же комок?

— Гриб фулиго! Один из видов слизистых грибов... Что, удивились? — сказал биолог.

— Но как вы узнали об этом чудесном превращении?

— Ведь вы же сами сказали, что ночью слизь передвигалась к свету, к теплу керосиновой лампы. А это бывает лишь в период превращения слизи в гриб.

За перегородкой в лаборатории падали капли воды: редкое, но однообразное кап-кап... Иногда звякала колба, которую ставили на мраморный столик.

— Вы можете даже увидеть, — продолжал биолог, — как оранжевое кружево сдвинется с места, взберётся на лист фильтровальной бумаги или на стекло.

— А как это сделать? Как заставить двигаться, переманить это существо? — спросил я.

— О, это совсем несложно! Оно, ваше кружево, сдвинется с места, если вблизи от него пустить слабый ток воды...

VIII

Неторопливо и спокойно шёл я через демонстрационный зал музея и думал: «И на старом, гнилом пне увидишь чудеса».

Приоткрыл дверь в тихий коридор, но почему-то остановился и оглянулся. Слева от дверей лежал кит. Он смотрел своим маленьким насмешливым глазом на картонную коробочку, которую я держал в руке.

«Мы, киты, уже жили в те годы, в те далёкие годы, когда на земле водился саблезубый тигр. Посмотри на этот плавник — он в щепки разбивает огромную лодку, а ведь он произошёл из обыкновенного хвостового придатка — из такого, как у сухопутных животных. А вот эти плавники были когда-то ногами... Что — чудеса? Недаром зовут меня чудо-юдо рыба кит. А я вовсе и не рыба! Посмотри, посмотри...»

Но я уже не смотрел на кита — справа у дверей мамонт поднял гигантские бивни над моей картонной коробочкой.

«Поговорим о вечной зиме, о ледниках... Сам я, мамонт, видел, как они наступали и отступали... И видел я... видел их здесь, где ты стоишь... Поговорим о ледниках...»

«Хорошо, хорошо! — подумал я и попытался спрятать картонную коробочку в карман. — Пусть так, но и на самом обыкновенном старом, гнилом, полуразвалившемся пне можно сегодня увидеть чудеса».

Что? Не так ли? Впрочем... Сам не знаю почему, но мне жаль маленького лесного муравья, который тащил жёлтую хвоинку...

СОДЕРЖАНИЕ

Однажды вечером в лесу	3
Трудный день	16
Блюдец с красными и синими шариками	24
Кусочек сосновой коры	35
О чём кричали дятлы	43
Цветные камешки	47
Оранжевое кружево	56

Для младшего школьного возраста

Брагин Владимир Григорьевич

ОРАНЖЕВОЕ КРУЖЕВО

Рассказы

Ответственный редактор Л. Р. Баруздина. Художественный редактор Е. М. Гуркова. Технический редактор Н. Ю. Запорожец. Корректоры В. Е. Калинина и З. С. Ульянова. Сдано в набор 28/І 1969 г. Подписано к печати 25/VII 1969 г. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 4. (Уч.-изд. л. 2,91). Тираж 300 000 экз. ТП 1969 № 203. Цена 10 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 38.